
МИГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

МОДЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ВОЗРАСТАЮЩИХ ИММИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ

© 2015 г. К. Зайка

В статье характеризуются иммиграционные модели Германии, Франции, Великобритании, США и Канады в условиях постоянно растущих притоков нового населения из-за рубежа. В отличие от “классических национальных” западноевропейских стран, государства Северной Америки, возникшие в результате переселения колонистов из различных частей света, изначально сделали ставку на иммиграцию как на фактор собственного развития. Разница в политической культуре иммиграционных североамериканских и “национальных” западноевропейских государств обуславливает различный уровень институционализации культурных прав приезжих и их потомков и, соответственно, специфику интеграционных проблем.

Ключевые слова: национальная интеграция, иммиграционный режим, культурный плюрализм, “классический национализм”, мультикультурализм.

Статья поступила в редакцию 27.06.2014.

Традиционная модель национальной интеграции, предполагающая единство культурных и политических границ, всегда была сложно реализуемой. Тем более проблематичным ее воплощение стало после середины 60-х годов XX в., когда в большинстве западных стран произошла либерализация иммиграционной политики. В результате общества стали заметно многообразнее в этнокультурном плане. В следствии этого ряд стран частично отказался от ассимиляционистской модели национальной интеграции и начал переход к “политикам признания”, а именно – к обеспечению возможности выражения культурных различий в публичном пространстве.

В отличие от “классических национальных” западноевропейских государств, политическая культура Северной Америки (США и Канады), возникших в результате заселения колонистами из различных европейских стран, никогда не предполагала популяризации представлений об этнокультурном ядре нации. Соответственно, постклассическое видение национальной интеграции органично вплетается в современную

североамериканскую политическую культуру. При анализе моделей национальной интеграции послевоенного времени в упомянутых западных странах в условиях возрастающих притоков населения и увеличивающегося этнокультурного многообразия в качестве основного объяснительного фактора автором принимается специфика политической культуры и истории соответствующих государств.

Рассмотрим общие положения, характерные для послевоенной политической истории стран либеральной демократии и трансформации моделей национальной интеграции.

Условно можно выделить два типа интеграции [1, р. 49]:

- ассимиляцию (“плавильный котел” как разновидность ассимиляции);
- культурный плюрализм.

Среди западноевропейских стран *ассимиляция* характерна для Франции. В британском обществе господствует принцип “*сегрегированного культурного плюрализма*”: этнокультурные меньшинства участвуют в политической жизни в качестве групп. В США до 60-х годов *ассимиляционистская концепция национальной интеграции* расходилась с политической практикой по ряду причин. Во-первых, афро-американцы были исключены из национальной политики. Во-вторых, на уровне практики культурное многообразие американского

ЗАЙКА Ксения Валерьевна, кандидат политических наук, научный сотрудник Института философии РАН, РФ, 199991 Москва, ул. Волхонка, 14, стр. 5; преподаватель кафедры политологии Белорусского государственного университета, Республика Беларусь, 220050 Минск, ул. Ленинградская, 8, к. 211 (kseniya1976@gmail.com).

населения проявлялось и в публичном поле в рамках конфессиональных организаций. В Канаде в силу особенностей политической истории сформировалась установка на *“инклюзивный культурный плюрализм”* как на механизм сохранения целостности сообщества.

В европейской исторической перспективе политическое единство социума связано с представлениями об (этно)культурной гомогенности. Принадлежность к нации предполагала определенную культурную лояльность. Этнические меньшинства считались препятствием для поддержания целостности обществ. Представления об обязательности совпадения политических и культурных границ обусловили отношение властей европейских государств к интеграции меньшинств посредством политики ассимиляции. Такая установка характерна для ряда западных стран, в частности для Франции, с ее гражданской моделью нации и традициями республиканизма.

В отличие от Западной Европы, США и Канада изначально делали ставку на иммиграцию как фактор собственного развития. Хотя публичная культура в этих государствах формировалась по определенным традиционным образцам, представления об *“этнокультурном ядре”* нации для них не характерны. Иммиграционные государства можно назвать особым *“режимом толерантности”*: *«иммиграционные общества не имеют явного культурно-этнического “ядра”: здесь нет “национального большинства”, в культуру которого вливались бы национальные меньшинства. Здесь все в известном смысле – меньшинства, так что сформировавшаяся в рамках государственных границ общая культура представляет собой продукт взаимных уступок и взаимного приспособления многих групп»* [2]. В иммигрантских обществах не работает основной принцип национализма, являющийся базой внутривнутриполитических и международных отношений, где определяющим фактором остается совпадение культурных и политических границ сообщества, выражаемого прежде всего в этнических категориях.

Послевоенный период для всех западных стран характеризовался следующими процессами:

- массовая иммиграция из стран Третьего мира;
- либерализация иммиграционной политики (радикальная или относительная);
- смещение фокуса интеграционной политики на включение прав меньшинств в публичное пространство.

До окончания Второй мировой войны внутреннее этнокультурное многообразие государств Западной Европы складывалось в основном из представителей исторических меньшинств и беженцев из соседних стран, покинувших родину в результате конфликтов. *Массовую иммиграцию из Третьего мира* западноевропейские общества испытали только после войны. Причинами наплыва выходцев из этих частей света в западные страны послужили следующие факторы:

- признание права на свободный въезд в бывшие метрополии для *“постколониальных субъектов”*;
- послевоенный экономический бум и привлечение трудовых мигрантов.

Этнический состав иммигрантских потоков обуславливался колониальным прошлым западноевропейских стран: выходцы из Пенджаба и Пакистана сконцентрировались в Великобритании; выходцы из стран Магриба и государств, расположенных к югу от Сахары, – во Франции; политика привлечения трудовых мигрантов в Германии привела к тому, что в этой стране обосновались турки и курды. Процессы пересмотра государственных границ в Восточной и Центральной Европе после окончания Второй мировой войны также породили массовые миграционные потоки. Возникли новые категории граждан:

- *“этнические немцы”* и *“перемещенные лица”* из Восточной Европы в Германии;
- колонисты из Алжира во Франции;
- иммигранты из стран Содружества в Великобритании после распада Британской империи [3].

В результате столь массового перемещения людских потоков этнокультурный состав многих государств частично изменился. Сформировались иммигрантские меньшинства. В настоящее время большинство обществ Западной Европы фактически являются иммиграционными. То обстоятельство, что в самоописаниях западноевропейских стран до сих пор господствуют идеи о культурном ядре, обусловило идеологическую неподготовленность многих из них к последующим политическим и культурным требованиям со стороны приезжих.

На западе повсеместно в период с 1945 г. до начала экономической рецессии первой половины 70-х годов прошлого века наблюдались процессы *либерализации иммиграционной политики*. В Германии осуществлялось массовое привлечение трудовых мигрантов. Во Франции и Великобритании

иммиграционный либерализм стал следствием формирования новых политических отношений с бывшими колониями. В государствах Северной Америки радикальная либерализация иммиграционной политики 60-х годов была призвана не только удовлетворить потребности экономического развития, но и способствовать демократизации политической культуры. В США устранение расистских барьеров в иммиграционной сфере стало одним из результатов Движения за гражданские права. В Канаде этот процесс совпал с формированием политики мультикультурализма.

ПОИСК РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ФРГ

Высокие темпы экономического развития в 60-е годы XX в. привели к утверждению в ФРГ политики трудовой миграции. Результатом стали этнодемографические изменения. Поскольку в ФРГ не работал принцип гражданской нации, население иммигрантского происхождения считалось “иностранным” до принятия нового Закона о гражданстве в 1999 г. До 2000 г. сохранялись установки немецкого правительства на этнокультурную модель нации. Бюрократические практики расходились с действительностью, характеризовавшейся ширившимся многообразием общества. В Германии до сих пор идут общественно-политические дебаты по поводу признания иммиграционного характера немецкого социума.

Трудовые мигранты, значительная часть которых являлась выходцами из Турции, изначально определялись как рабочие с временным статусом, не предполагавшим их культурной и политической интеграции в принимающее общество. Программы по их привлечению, ограничивавшиеся представлением прибывшим работникам только социальных прав по условиям трудового договора, создали иллюзию временной миграции. Иностранцам, имеющим лишь статус временных резидентов, предоставлялись социальные, а с 90-х годов и некоторые политические права. Они могли участвовать в выборах местных органов власти с 1996 г.

Временные работники в Германии не были иммигрантами в юридическом смысле. Их статус обуславливался потребностями рыночной экономики. Фактически эта категория стала частью немецкого общества, интернировавшись во все сферы принимающей стороны, кроме политической. Иностранцы занимали определенную позицию на рынке труда, участвовали в профсоюзных организациях, их дети ходили в немецкие школы и проходили социализацию в культурном

пространстве Германии. Вместе с тем сохранялись барьеры для получения гражданства, которое считалось *условием интеграции в немецкое общество*.

Политическая интеграция иммигрантов до 2000 г. крайне затруднялась господством идеала культурно-гомогенного национального государства. В отличие от гражданской модели нации, обозначающей территориальное политическое сообщество, представители которого выражают приверженность определенным политическим принципам, основы немецкой модели нации подразумевают общность культурного и языкового происхождения.

Формируемая в Западной Германии в послевоенный период политическая культура либерального республиканизма была оторвана от доминирующих традиционных представлений. Этнокультурная идея нации постоянно воспроизводила в публичном пространстве дуализм “немцы–иностранцы”. В политическом и идеологическом отношении ФРГ, по сравнению с другими государствами, оказалась менее подготовлена к включению больших масс иммигрантов. Поэтому потоки приезжих, устремившиеся в страну в послевоенный период, рассматривались только в экономических категориях [4]. В отличие от Франции, немецкая политическая элита не стремилась к культурной ассимиляции иммигрантов. Старая модель *völkisch*, на которой базировалось объединение Германии в последней трети XIX в., до 90-х годов XX в. использовалась для формирования представления о национальной общности. Однако выстраивать национальную идею на основе апелляции к истории оказалось сложно: период нацизма делигитимировал обращение общества к наследию прошлого. Эта модель стала неприемлемой для абсолютного большинства немецкой политической элиты из-за преступлений фашизма во имя *Volkgemeinschaft* [5].

В 90-е годы минувшего столетия, после распада коммунистического блока, традиционный для Германии партикуляристский подход к вопросам гражданства, определяющий национальную принадлежность “по происхождению”, а не по территории, был соединен с более универсалистским либерально-республиканским методом в вопросах предоставления политического убежища. Ст. 16 Основного закона, оговаривающая условия его предоставления, основывается на либеральных принципах [5]. Традиции определения нации как “сообщества культурного происхождения” соединились с новой либерально-республиканской политической культурой, распространяемой в

Западной Европе после 1945 г., парадоксальным образом. Образовалась политическая аномалия: беженцы автоматически получали все социальные права, хотя перспективы их интеграции в немецкое общество до конца 90-х годов практически не просматривались. “Этнические немцы”, приезжавшие в ФРГ из бывших республик СССР, резко отличавшиеся от остального общества в культурном плане, автоматически наделялись политическими правами. В то время как потомки турецких и югославских иммигрантов, прочно интегрированных в местные социальные реалии, официально считались “иностранцами” [6].

Консенсус немецкой политической элиты в отношении иммиграционной политики заключался в замалчивании проблем интеграции и гражданства. В отличие от Франции с ее национальным согласием в отношении республиканских традиций, у немецких политиков единые представления относительно организации общенациональной дискуссии по вопросам гражданства отсутствовали. Наследие нацизма сделало невозможным обращение к истории для формирования общих представлений о немецкой национальной идентичности, и это обстоятельство порождало политические трудности. В условиях фактически полиэтнического общества правительство могло предложить иммигрантам только идею культурно-нейтрального государства всеобщего благосостояния и концепцию социального гражданства [7, с. 55]. При отсутствии четких представлений о политическом сообществе Западная Германия не смогла выработать прозрачных механизмов управления иммиграционными и интеграционными процессами.

В 90-х годах XX в. среди интеллектуалов стали распространяться идеи о признании культурной плюралистичности немецкого общества. В 1994 г. увидел свет либеральный “Манифест 60-ти: Германия и иммиграция”, в котором доказывалась необходимость внесения изменений в иммиграционную политику. Это было публичное заявление об актуальности принятия факта иммиграционного характера немецкого социума [6]. Данный пример говорит о начавшемся дискурсивном повороте – общество осознало необходимость перехода от концепции “гастарбайтера” к концепции интеграции.

Изменение публичного дискурса в 90-х стимулировало внедрение элементов политики признания в некоторых областях общественной жизни, в частности – внесение мультикультурного аспекта в учебные программы. Так называемая баварская модель двуязычного образования ставила своей

целью поддерживать “языковую и культурную идентичность детей иностранцев” [7]. Однако подобная “мультикультурализация” в сфере образования не решала проблемы интеграции иммигрантов в немецкое общество, но способствовала культурной сегрегации. При отсутствии перспектив получения гражданства они могли интегрироваться только в социальную и экономическую сферы.

Сохранение статус-кво в вопросах гражданства до 1999 г. не позволяло иммигрантам проходить процесс натурализации и обретать политические права. Правовые препятствия на пути натурализации приводили к политической маргинализации этой части общества. Новый Закон о гражданстве, принятый в 2000 г., предоставил иммигрантам возможность получения немецкого гражданства по рождению для детей, один из родителей которых постоянно и легально проживает в Германии [8]. Также был введен институт двойного гражданства и *Green card* для привлечения высококвалифицированной рабочей силы. До сих пор в публичном дискурсе Германии отсутствует специальная терминология для обозначения статуса иммигрантов, и в этом проявляется неопределенная позиция властей в отношении характера немецкого общества.

КРИЗИС ФРАНЦУЗСКОЙ МОДЕЛИ ГРАЖДАНСКОГО УНИВЕРСАЛИЗМА

Во Франции, занимающей второе место в Западной Европе по количеству населения иммигрантского происхождения, модель национальной интеграции базируется на идее гражданского универсализма¹. Особенности политической истории этой страны, борьба с католической церковью за утверждение секулярной национальной идентичности обусловили специфику здешней концепции “этноцентричного ассимиляционизма”. Французская политическая традиция предполагает культурную гомогенность публичного пространства и отрицает права меньшинств на проявление цивилизационных отличий в нем. Признается только индивидуальная интеграция в политическое сообщество. Между государством и гражданами не существует посредников из так называемых диаспорических институтов. Целостность общества достигается благодаря равенству возможностей, гарантированных сильным централизованным

¹ Показательно, что французский закон о защите информации от 1978 г. запрещает предоставление статистических данных в таких категориях, которые явно или косвенно указывали бы на этнокультурное происхождение гражданина республики.

государством. Проявления этнического и культурного многообразия вытесняются в частную сферу.

В соответствии с принципами, заложенными в Декларации прав человека и гражданина, национальная интеграция строится в формате республиканства со строгим соблюдением секулярных принципов в публичном пространстве. Французский идеал нации как сообщества граждан означает не только политическое, но и культурное членство в ней. В отношении иммигрантов эта установка проявляется в политике культурной ассимиляции. Так как с политической точки зрения правомерной считается только культурная однородность публичного пространства, этнокультурные меньшинства и локальные этнические общины не признаются на национальном уровне. Эгалитарная модель предполагает ассимиляцию иммигрантов в сфере языка и культуры, поглощение и растворение в “высокой” французской культуре иных традиций. В некоторых случаях поощрение культурной ассимиляции принимает чрезмерный характер. Например, с 1972 г. французское государство содействовало практике изменения иммигрантами имен и фамилий в случаях, когда оригинальные имена якобы могли мешать процессам их интеграции в принимающее общество [9].

Процессы деколонизации, экономический бум 60-х годов и стремление Франции сохранить влияние в Северной Африке привели к формированию политики открытой иммиграции [3]. Начался массовый приток населения из новых независимых североафриканских стран (Алжира, Марокко и Туниса), а к 60-м годам алжирцы стали самым многочисленным иммигрантским сообществом во Франции. В отличие от Германии, которая принимала трудовых мигрантов и предоставляла им только социальные права, во Франции положениями Эвианских соглашений об окончании войны в Алжире (1962 г.) был обеспечен специальный правовой статус алжирцев как “постколониальных субъектов”. Согласно этому документу алжирцы пользовались правом свободного доступа в бывшую метрополию до 80-х годов XX в. [10].

Отличие французской модели национальной интеграции от немецкой и, соответственно, характер проблем интеграции иммигрантов обусловлены различными концепциями в определении нации. Если в немецкой традиции нацией считается “сообщество культурного происхождения”, то во Франции национальное сообщество есть сообщество политическое. Для французской иммиграци-

онной политики характерно отсутствие расовых и этнических барьеров, но обязательным условием успешной интеграции является соблюдение иммигрантами норм гражданского универсализма. Существенно отличает французскую ситуацию от немецкой то обстоятельство, что во французском обществе присутствует политический консенсус по поводу иммиграционной политики и вопросов предоставления гражданства.

Во Франции попытки ограничить процессы иммиграции и натурализации наталкиваются на конституционные нормы либерально-республиканского характера. Конституция гарантирует неизблемость универсалистских и эгалитарных принципов. В 70–80-е годы прошлого века предпринимались попытки ограничения процессов воссоединения иммигрантских семей. Конституционный совет Франции восстановил торжество республиканских принципов в этом вопросе. Во Франции, в отличие от Германии, невозможно изменить либеральный характер процедуры предоставления политического убежища: преамбула 146 к Основному закону предписывает рассмотрение всех заявлений на получение статуса беженца [3].

Идеология французского республиканства признает культурные различия только между гражданами и иностранцами [9]. Граждане Французской Республики должны выражать лояльность только французской культуре, что является условием правового равенства. При этом традиции республиканства, основанные на признании формального равенства всех граждан, независимо от их этнокультурного происхождения, вступают в конфликт с фактическим социально-экономическим неравенством между “коренным населением” и поколениями иммигрантов. Восстания в парижских предместьях в 2005 г. трактовались правительством как социально-экономическая проблема молодого поколения французских граждан. Возможность выдвижения молодежью иммигрантского происхождения политических требований на базе культурных ценностей даже не рассматривается как таковая.

В последнее время во Франции наблюдается кризис ассимиляционистского подхода. В условиях, когда количество выходцев из стран Магриба достигло порядка 10%, общественные институты продолжают работать по инерции, практически не предоставляя пространства для выражения культурного многообразия. Наиболее явно инерционность ассимиляционистского подхода проявилась в общественно-политическом дискурсе по поводу принятия Закона о религиозных симво-

лах в 2004 г. Закон запретил ношение предметов религиозного культа, в том числе и женского мусульманского платка, в государственных школах на том основании, что школы являются институтами, где прививаются “фундаментальные принципы французской гражданственности”.

БРИТАНСКАЯ МОДЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Интеграционная политика Великобритании обусловлена имперским прошлым этого государства. После демонтажа колониальной системы и образования Британского Содружества за выходцами из бывших колоний был сохранен статус “поданных британской королевы” с правом свободного въезда в экс-метрополию [11, р. 236]. Иначе говоря, в 1960–1970 гг. в Британии была принята имперская концепция гражданства, в основе которой – личная лояльность правящему монарху [12]. Иммиграционные потоки из стран Содружества, в первую очередь из стран Карибского бассейна, Пакистана, Индии и Бангладеш, породили не столько проблемы иммиграционного контроля, сколько трудности интеграции “цветных” меньшинств в расиализированное публичное пространство. Смысл данного термина заключается в том, что бюрократия использует расовые категории для классификации населения, и “расовые отношения” на официальном уровне выделяются как отдельная область социальных взаимосвязей.

Законодательство в иммиграционной сфере стало базой для разработки послевоенных законов о гражданстве в Великобритании. Постепенное ужесточение положений, касающихся иммигрантов, свидетельствовало о наметившемся в рядах политической элиты намерении отказаться от имперской концепции гражданства и перейти к иерархизированной структуре. Эти процессы проходили в условиях воспроизводящихся сегрегации и расиализации британского общества.

Во второй половине 60-х годов популярность лозунгов, пропагандирующих изменения иммиграционной политики в Великобритании, нарастала. Кульминационным моментом стала речь министра внутренних дел Энока Пауэлла о “реках крови”, которые могут пролиться в стране в случае сохранения статуса “поданных британской короны” за выходцами из получивших независимость колоний и свободы их въезда в бывшую метрополию. Эти установки реализовались на практике с принятием в 1968 г. Закона Британского Содружества, запретившего свободный въезд в экс-метрополию выходцам из Кении [12]. Тен-

денция к ограничению притока иммигрантов из стран Третьего мира прослеживалась достаточно четко. Однако политические кризисы в ряде африканских стран (Малави и Уганде) в 70-х годах спровоцировали новые потоки беженцев из этих стран [13].

Особенностью британской модели национальной интеграции стало принятие *концепции аккомодации для интеграции меньшинств* [14]. В рассматриваемом контексте аккомодация заключается в создании институциональных возможностей для встраивания этнокультурных меньшинств в качестве групп в британское общество. Аккомодация как принцип интеграции отражена в британском Законе о гражданстве 1981 г., принятом первым кабинетом Маргарет Тэтчер. Закон отменил имперскую концепцию “британского подданства” и утвердил иерархизированное гражданство, определяющее различные категории “британскости”, систематизируя тем самым отношения Великобритании с бывшими колониями. Основу нового документа составили положения законов об иммиграции от 1962, 1968 и 1971 гг. [15]. Иммиграционное законодательство от 1971 г. уже содержало такое понятие, как *partiality clause*, обозначившее право на свободный въезд в Великобританию только британцам. *Partiality clause* создало правовые условия для перевода концепции гражданства в этнокультурные категории. Согласно Закону 1981 г. учреждались три категории гражданства: британские граждане (привилегированная часть), граждане Зависимых территорий и граждане Заморских британских территорий [15].

В отличие от Франции, где господствуют универсалистские традиции и республиканская идеология (показательно, что французское правительство не ввело отдельной категории гражданства для франко-алжирцев, родившихся до 1962 г.), британская политическая культура не предполагала правовых или идеологических основ для сохранения общего британского подданства. Исключение было сделано только для так называемых коренных жителей (*patritials*), то есть иммигрантов, проживающих в Великобритании в третьем поколении и “белых” выходцев из колоний. Закон о гражданстве от 1981 г. фактически кодифицировал систему квот, основанную на национальном и этническом происхождении: выходцы из Новой Зеландии, Австралии, Южной Африки и Канады (“белые”) получили право свободного въезда и получения вида на постоянное жительство в бывшей метрополии. Однако представителям стран Карибского бассейна и Индо-

стана (бывшие британские подданные) доступ в страну был ограничен. Исключение составили только граждане Гонконга [3].

В результате в Британии сформировалась сегрегированная модель национальной интеграции, признающая *статусные отличия представителей различных этнокультурных меньшинств*. Специфика политической ситуации в послевоенный период здесь заключалась в том, что после распада империи правительству пришлось переопределить правовое положение “цветных” иммигрантов, которые до тех пор подпадали под общую категорию “подданных короны”.

Можно констатировать, что вторая половина XX в. в британском публичном пространстве характеризовалась одновременно двумя явлениями. С одной стороны, наблюдалась некоторая акцентуация “британскости” и институционализация иерархизированной концепции гражданства. Это проявилось во введении в правовую и политическую практику терминов для обозначения различных “категорий” граждан в зависимости от их этнокультурного происхождения. С другой стороны, сложились институциональные условия для выражения культурных различий в публичном пространстве. Например, в Великобритании никогда не ограничивалось создание общественных организаций по этнокультурному признаку, в то время как во Франции запрет на учреждение подобных сообществ действовал до 1982 г. Кроме того, в 1991 г. в Великобритании в анкеты по проведению переписи населения впервые был внесен вопрос об этнической идентичности [16].

Как уже указывалось, британская специфика в проблеме интеграции иммигрантов заключается во включении меньшинств в принимающее общество в качестве групп и в институционализации “расовых отношений”. “Расовые” категории применяются в контексте борьбы с дискриминацией, так как только представитель “расы” со статусом гражданина имеет право на компенсаторное действие в результате дискриминационных действий. Таким образом, признание групповых прав в Британии происходит в парадигме “расовых отношений”.

Существенное влияние на интеграционную политику в Великобритании оказывает то обстоятельство, что в отличие от Франции и Германии местный политический класс принимает факт полиэтничности общества с возможными последствиями культурного и политического характера. Представления о полиэтничности в конечном счете привели к признанию иммиграционного характера британского социума. Соответствующий

закон был принят в 1997 г. Он провозглашал новую иммиграционную политику, построенную на системе баллов и поощряющую въезд в страну высококвалифицированных специалистов [17].

Данная мера была направлена на развитие трудовой иммиграции. Приезжие стали рассматриваться как значимый фактор экономического и социального развития. Вместе с тем риторика британского политического класса строится на представлениях о необходимости сохранения культурных иерархий, определяющих британскую идентичность. Культурное многообразие допускается при условии, что оно не вступает в конфликт и не оспаривает традиционные британские ценности. По словам министра внутренних дел Джона Паттена, британское гражданство не предполагает соединения двух конфликтующих лояльностей [18]. Подобные заявления в первую очередь относятся к представителям мусульманской культуры.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что *специфика британской модели национальной интеграции* заключается в следующих положениях:

- принцип включения этнокультурных меньшинств в качестве групп в политическую жизнь страны;
- институционализация “расовых отношений”;
- признание факта полиэтничности общества;
- признание иммиграционного характера общества.

США: “ПЛАВИЛЬНЫЙ КОТЕЛ”, “САЛАТНИЦА” ИЛИ *LAISSEZ-FAIRE*

Особенности американской модели национальной интеграции объясняются *спецификой политической культуры США*.

Во-первых, следует отметить высокую значимость судебных инстанций. Система разделения властей в Соединенных Штатах такова, что решения исполнительной и законодательной власти на всех уровнях проходят обязательный судебный контроль. Это обстоятельство определило ярко выраженный *легалистский характер политической культуры*.

Во-вторых, Движение за гражданские права полностью изменило идею гражданства в США: здесь утвердились нормы *либерального республиканизма* и концепция инклюзивного гражданства. До 60-х годов минувшего века механизмы гражданского включения, построенные на идеологии

“черно-белого” расизма, были крайне ограниченными. Опыт сегрегации афро-американцев также составляет одну из особенностей политической истории США.

В-третьих, отличительная черта американского республиканства – *официальная доктрина иммиграционного государства*. Иммиграция, несмотря на наличие в прошлом расистских барьеров, всегда считалась краеугольным элементом формирования нации [19]. Принятие иммигрантов различного этнокультурного происхождения также наложило свой отпечаток на гражданскую и политическую культуру. В “классических национальных” государствах Западной Европы политическое сообщество предполагает существование этнокультурной “сердцевины” нации, в которую затем стали “вливаться” иммигранты. Опыт иммиграции не вошел в мифологию национального строительства в Германии и Франции, хотя в настоящее время общества в этих странах являются иммиграционными де-факто. В политическом же дискурсе Соединенных Штатов отсутствует само представление об этнокультурном ядре.

Американская нация построена на принципах “гражданского национализма”, предполагающего лояльность политическим идеалам республиканства. Абстрактные гражданские принципы стали в США национальной доктриной и определили смысловое поле, в котором формируется национальная идентичность. В отличие от Франции, где гражданская концепция нации сосуществует с сильным давлением в плане культурной ассимиляции, в Соединенных Штатах, несмотря на популяризацию до 60-х годов концепции “плавильного котла”, практическая интеграция постоянно прибывающего “человеческого капитала” проходила в условиях политики невмешательства. Культурное многообразие общества не вытеснялось в приватную сферу и находило выражение в публичном пространстве, например, на уровне конфессиональных ассоциаций. В американском обществе процессы культурной ассимиляции ограничились языковой гомогенизацией по вполне прагматическим причинам.

Вплоть до 60-х годов модель национальной интеграции в США отличалась крайней ограниченностью. Во-первых, афро-американцы были вытеснены из гражданско-политической жизни. Во-вторых, иммиграционная политика характеризовалась наличием эксплицитных расистских барьеров.

Новая интеграционная модель, сложившаяся во второй половине XX в., стала результатом Движения за гражданские права 50–60-х годов.

Последнее породило радикальные дискурсивные изменения в публичном пространстве США. Во-первых, евроцентричная концепция “плавильного котла” утратила легитимность. Во-вторых, Движение за гражданские права формально искоренило практику сегрегации и полностью трансформировало американскую политическую культуру. Закон о гражданских правах от 1964 г. отменил все ограничительные цензы для участия в федеральных выборах. Публичное пространство стало формально инклюзивным для всех этнокультурных меньшинств. В-третьих, движение за равноправие имело своим следствием либерализацию иммиграционной политики. Сразу после принятия Закона о гражданских правах в 1964 г. был принят Закон об иммиграции, отменивший систему квот для иммигрантов по национальному и расовому признаку и аннулировавший запрет на иммиграцию из стран Азии [20]. Либерализация иммиграционной политики привела к четвертой мощной волне иммиграции в истории США: 2.5 млн. иммигрантов в 50-х годах; 3.8 млн. в 60-х; 7 млн. в 70-х; более 10 млн. в 80-х [3].

Движение за гражданские права изменило концепцию гражданства не только в Соединенных Штатах. В силу их политического и культурного преобладания в послевоенном мировом порядке трансформации здешней политической культуры оказали влияние на политический ландшафт других западных стран. Новый американский “либеральный республиканизм” представлял более универсалистскую концепцию гражданства, основанную на идее формально культурного нейтралитета со стороны государства, на принципах индивидуальных прав и свобод в ущерб групповым привилегиям. Американский либеральный республиканизм сделал *правовую процедуру* основой национального консенсуса. Именно правовая процедура легла во главу угла во взаимоотношениях между индивидуумами и государством.

В условиях резкого увеличения легальной иммиграции нормы гражданского равноправия стали применяться для интеграции иммигрантов из всех стран мира. Процесс натурализации стал единообразен для выходцев из любых государств вне зависимости от этнического происхождения. Либерализация гражданских прав иммигрантов активизировала политическую деятельность этнокультурных групп. Возросла значимость судебных инстанций в реализации иммигрантами полных гражданских прав. Например, суд первой инстанции в Техасе обязал правительство штата позволить детям нелегальных иммигрантов посещать государственные школы [3].

Во второй половине XX в. в публичном пространстве США произошел дискурсивный поворот – вместо “плавильного котла” для описания состояния американского общества стала использоваться метафора “салатницы” или “симфонии”. Это произошло, во-первых, потому что радикальная либерализация иммиграционной политики резко увеличила этнокультурное многообразие страны. Во-вторых, институты, сформировавшиеся в результате Движения за гражданские права, позволили иммигрантам различного этнокультурного происхождения добиваться признания групповых интересов в публичной сфере. В-третьих, на практике появление новых многочисленных групп иммигрантского происхождения привело не только к культурной гибридации в повседневном взаимодействии, но и к добровольной сегрегации некоторой части населения.

В последние десятилетия это особенно характерно для урбанизированных районов. В школьных кафетериях компании иммигрантов второго и третьего поколений складываются по принципу общего этнокультурного происхождения их родителей. В школах существуют студенческие ассоциации для афро-американцев, выходцев из Латинской Америки и стран Азии. Можно наблюдать некие тенденции “балканизации” населения – возникновение конфликтующих в политическом отношении этнокультурных групп, борющихся за признание в рамках юрисдикции штата законов, благоприятствующих их интеграции. Например, в Майами присутствует общественно-политическое напряжение между испаноязычным сообществом и афро-американцами. Этот феномен возникает в результате геттоизации, а также как следствие растущего желания иммигрантов репрезентировать себя в этнической и расовой перспективе.

МОДЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В КАНАДЕ

Для определения специфики модели национальной интеграции в Канаде целесообразно обозначить ключевые сходства и различия между политическими историями и культурами этой страны и ее южного соседа. Канада и США выделяются максимально открытой публичной культурой на фоне всех других либеральных демократий. Это можно объяснить некоторым историческим сходством двух государств. Во-первых, обе страны ведут свою летопись от поселений колонистов, то есть являются иммиграционными. В обеих странах иммиграция официально признается основным фактором экономического и культурного развития. Во-вторых, в XIX в. Канада и США про-

шли этап освоения новых западных территорий, в процессе которого формировался специфический североамериканский стереотип поведения.

В отличие от США, Канада начинала проект своего национального строительства не на формально ассимиляционистской, а на бикультурной основе (создание Канадской конфедерации в 1867 г.). Присутствие в публичном пространстве двух этнокультурных общин, претендующих на статус “государствообразующих наций”, изначально обусловило специфику политической конъюнктуры в этой стране и установку на культурный плюрализм. Кроме того, отсутствие опыта рабства и, соответственно, “черно-белого” расизма вкупе с более терпимым отношением к индейскому населению предопределили эволюционное развитие политики национальной интеграции в Канаде – как расширение принципа толерантности.

Одним из ведущих факторов, обусловившим специфику канадской политической культуры, стала существовавшая вплоть до 60-х годов XX в. политическая взаимосвязь между Канадой и бывшей метрополией – Великобританией. Особенно явно это прослеживалось в такие значимые моменты, как объявление войны. Когда британский парламент голосовал за начало военных действий в англо-бурской, Первой и Второй мировых войнах, Канада всегда поддерживала эти решения. До 1982 г. конституцией Канадской конфедерации являлся британский закон об управлении североамериканскими территориями – Акт о Британской Северной Америке (*British North America Act*), вступивший в силу в 1867 г. До 1947 г. у жителей канадских территорий не было даже отдельного гражданства – все они являлись поданными королевы [21].

Как уже упоминалось, в Канаде основополагающим фактором в формировании нации стала иммиграция. До окончания Второй мировой войны ее иммиграционная политика не отличалась последовательностью и строилась на расистских принципах: в страну в первую очередь принимались выходцы из англосаксонских стран, континентальной и Восточной Европы. Либерализация канадской иммиграционной политики в 60-х годах прошлого века, массовый приток поселенцев из стран Третьего мира и растущее недовольство потомков иммигрантов из континентальной и Восточной Европы (украинцев и немцев) официальной бикультурной политикой в условиях фактического культурного плюрализма обусловили переход к идеологии мультикультурализма в 70-х годах.

Любопытно, что формирование политики мультикультурализма совпало с внедрением некоторых либерально-республиканских норм в политическую культуру Канады. В частности, принципы мультикультурализма как государственной идеологии прописаны в Хартии прав и свобод. Хартия прав и свобод является частью Основного закона страны, принятого в 1982 г., в котором конституционно закрепляется примат индивидуальных прав над групповыми привилегиями при сохранении возможностей истребования отдельных прав для этнокультурных меньшинств. С принятием Конституции политическая культура в Канаде обрела более легалистский характер, что повлекло за собой повышение значимости правовых процедур для решения споров, связанных с практикой мультикультурализма. Для того чтобы добиться признания/институционализации определенной культурной нормы, представители этнокультурных меньшинств проводят свои требования через судебные инстанции. Иначе говоря, культурные права не приписываются – они обретаются этнокультурными меньшинствами в результате процедурных мероприятий.

Итак, в 70–80 годов в Канаде произошла радикальная либерализация публичного пространства. Это стало следствием предшествующих изменений иммиграционной политики. В условиях фактического культурного плюрализма возобладал либеральный принцип функционирования публичной сферы. Официальная доктрина, сформулированная правительством Пьера Трюдо, институционализированная в Хартии прав и свобод и ставшая основой модели национальной интеграции, признавала вклад всех этнокультурных меньшинств в развитие общей канадской культуры.

Таким образом, в этой части света предпринята попытка соединить либерально-универсалистские принципы с идеологией мультикультурализма. С одной стороны, за меньшинствами признается право воспроизводить культурные нормы страны происхождения (или некие гибридные нормы, которые могут сформироваться в условиях проживания в иммиграционной среде). С другой стороны, индивидуальные права однозначно занимают господствующее положение в правовой культуре.

В иммиграционном характере Канады и специфике ее политической истории кроются причины того, что представления о национальной идентичности сложились здесь только во второй половине XX в. Они сформировались, скорее, как реакция на рост сепаратизма в Квебеке, а также осознание необходимости проведения максимально гибкой политики в отношении интеграции иммигрантов.

Потребности взаимодействия в рамках единого социума исторических и вновь складывающихся этнокультурных меньшинств определили обращение канадского государства к идее мультикультурализма.

* * *

По мнению автора, основными причинами, обусловившими переход к плюралистическим моделям национальной интеграции в ряде стран либеральной демократии, выступают следующие.

Во-первых, страны Запада в послевоенный период приняли поток массовой иммиграции из стран Третьего мира. Соответственно, в той или иной степени либерализация иммиграционной политики становилась неизбежной. Во-вторых, в послевоенный период в мире наблюдалась явная тенденция к республиканизации политической культуры в результате идейного влияния движения за гражданское равноправие в США.

Различия официальных доктрин “классических национальных” и “иммиграционных” государств обуславливают разницу подходов к этнокультурному разнообразию как результату иммиграции из стран Третьего мира. Во Франции приверженность республиканизму на практике оборачивается жесткими требованиями к ассимиляции новых членов общества. Вхождение в политическое пространство предполагает лояльность “пришельцев” местной культуре. В Великобритании в силу имперской традиции после распада колониальной системы стала проводиться политика конструирования современных представлений о “британскости” как о культурной категории (*patrials*). Терпимое отношение к выходцам из стран Третьего мира допускается при условии, что они не разрушают традиции “британского стиля жизни”.

В США установка на иммиграцию как на фактор развития тесно соседствовала с популяризацией идеи “плавильного котла”. На уровне политической практики интеграция иммигрантов в американское общество осуществлялась в формате *laissez-faire*. “Ассимиляционизм” американской модели национальной интеграции проявлялся преимущественно в области языковой гомогенизации, что объяснялось прагматизмом и необходимостью использования английского как “языка современности”. Фактическое невмешательство государства в практику повседневного социального взаимодействия привело к тому, что в публичном пространстве культурное многообразие проявлялось в сосуществовании ассоциаций по конфессиональным признакам. Традиции

политики *laissez-faire* поднимают перед властями США новые проблемы, вызванные растущей партикуляризацией общества. Массовый приток выходцев из Мексики и других стран Латинской Америки чреват сегрегацией этнокультурных групп на уровне повседневного взаимодействия, распространением испанского в школах как основного языка обучения и другими новыми вызовами.

Специфика модели национальной интеграции Канады заключается в том, что до 70-х годов XX в. это государство формировалось, в отличие от Соединенных Штатов, в условиях вынужденного противоречивого сосуществования двух обществ, каждое из которых воспринимало себя в качестве одной из “государствообразующих наций”. Кроме того, политическая культура Канады отличается ярко выраженным государственным патернализмом. Иммиграция из стран Третьего мира в Канаду во второй половине XX в., радикальное изменение этнодемографического состава и резко возросшее культурное многообразие общества наслонились на уже существующую бiculturalную парадигму.

После Второй мировой войны в западных странах фокус в политике национальной интеграции сместился с *ассимиляции* на *инкорпорирование* в

публичное пространство прав меньшинств, в том числе этнокультурных. Этому явлению можно найти несколько объяснений.

Во-первых, популяризация идеи культурного признания началась на западе наряду с внедрением либеральных норм в политическую сферу. В данном контексте особенно значимым событием в Европе стало учреждение либеральной республики в Западной Германии. Для стран Северной Америки поворотным моментом явилось Движение за гражданские права в США.

Во-вторых, масштабы и динамика иммиграции из стран Третьего мира убедили правительства западных стран в невозможности дальнейшего следования жесткой ассимиляции. Политики ассимиляции были обречены на провал в условиях существования многочисленных групп населения, культурные установки которых сильно отличались от норм большинства. Ассимиляция только бы усилила культурную и социальную отчужденность граждан иммигрантского происхождения, что поставило бы под угрозу целостность общества как такового. Следствием осознания необходимости выработки новых подходов к интеграции стал поворот к политикам признания культурных отличий в публичной сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Birch A. *Nationalism and National Integration*. London, Unwin Hyman Ltd, 1989. 253 p.
2. Малахов В. С. *Национализм как политическая идеология*. Москва, КДУ, 2005. 254 с. [Malakhov V.S. *Natsionalizm kak politicheskaya ideologiya* [Nationalism as Political Ideology]. Moscow, KDU, 2005. 254 p.]
3. Hollifield J. F. The Migration Crisis in Western Europe: the Search for a National Model. *Migration Ethniziät Konflikt*. Bade Klaus J., ed. Osnabrück, 1996. 375 p.
4. Hoskin M. Integration or Non-Integration of Foreign Workers: Four Theories. *Political Psychology*, 1984, vol. 5, no. 4, pp. 661-685.
5. Малахов В. С. Вызов национальному государству. Мультикультурализм как политическая программа. *Pro et contra*, 1998, т. 3, № 2, сс. 141-154. [Malakhov V.S. Vyzov natsional'nomu gosudarstvu. Mul'tikul'turalizm kak politicheskaya programma [Challenges to the Nation State. Multiculturalism as a Political Programme]. *Pro et contra*, 1998, vol. 3, no. 2, pp. 141-154.]
6. Joppke C. Multiculturalism and Immigration: A Comparison of the United States, Germany, and Great Britain. *Theory and Society*, 1996, vol. 25, no. 4, pp. 449-500.
7. Карачурина Л. Иммиграционная политика Германии: успешный и неуспешный опыт. *Мировая экономика и международные отношения*, 2008, № 7, сс. 50-60. [Karachurina L. Immigratsionnaya politika Germanii: uspeshnyi i neuspeshnyi opyt [German Immigration Policy: Best and Unproven Practices]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2008, no. 7, pp. 50-60.]
8. Banton M. National Integration in France and Britain. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2001, vol. 27, no. 1, pp. 151-168.
9. Heisler B. Sending Countries and the Politics of Emigration and Destination. *International Migration Review*, 1985, vol. 19, no. 3, Special Issue. Civil Rights and the Sociopolitical Participation of Migrants, pp. 469-484.
10. Donley T. British Public Opinion, Color Issues, and Enoch Powell: A Longitudinal Analysis. *British Journal of Political Science*, 1974, vol. 4, no. 3, pp. 371-381.

11. Paul K. "British Subjects" and "British Stock": Labour's Postwar Imperialism. *The Journal of British Studies*, 1995, vol. 34, no. 2, pp. 233-276.
12. Hansen R., King D. Illiberalism and the New Politics of Asylum: Liberalism's Dark Side. *The Political Quarterly*, 2000, vol. 71, issue 4, pp. 396-403.
13. Robinson V. The Migration of East African Asians to the United Kingdom. *Cambridge Survey of World Migration*. Robin Cohen, ed. Cambridge, Cambridge University Press, 1995, pp. 301-307.
14. Lijphart A. *The Politics of Accommodation: Pluralism and Democracy in the Netherlands*. Berkeley, University of California Press, 1968. 222 p.
15. Dixon D. Thatcher's People: The British Nationality Act 1981. *Journal of Law and Society*, 1983, vol. 10, no. 2, pp. 161-180.
16. Peach C. Does Britain Have Ghettos? *Transactions of the Institute of British Geographers, New Series*, 1996, vol. 21, no. 1, pp. 216-223.
17. Coleman D., Rowthorn R. The Economic Effects of Immigration to the United Kingdom. *Population and Development Review*, 2004, vol. 30, no. 4, pp. 579-624.
18. Asad T. Multiculturalism and British Identity in the Wake of the Rushdie Affair. *Politics and Society*, 1990, no. 4, pp. 455-480.
19. Philip L. Martin. Working Paper CIIP-2. *Immigration in the United States* (2002). Available at: http://ies.berkeley.edu/pubs/workingpapers/CIIP-2-PLM_United_States.pdf (accessed 23.10. 2014).
20. Massey S. D. The New Immigration and Ethnicity in the United States. *Population and Development Review*, 1995, vol. 21, no. 3, pp. 631-652.
21. Lipset S. Martin. "Canadian Identity." *International Journal of Canadian Studies*, 2006, issue 33/34, pp. 83-98.

PATTERNS OF NATIONAL INTERGRATION IN RESPONSE TO GROWING IMMIGRATION

(MEMO Journal, 2015, no. 6, pp.)

Received 27.06.2014.

ZAICA Kseniya Valer'evna, Center for Citizenship and Identity Studies, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 14-5, Volkhonka Str., Moscow, 199991, Russian Federation; Law Department, Belarussian State University, 8, Leningradskaya Str., Minsk, 220050, Belarus (kseniya1976@gmail.com).

The paper summarizes immigration policy models in Germany, France, the UK, the USA and Canada in response to the growing immigration flows since the second half of the XXth century. By contrast with "traditional" nation states of Western Europe, the USA and Canada have developed on the basis of the settler colonies having melted immigrants of various ethnic and cultural origins. The USA and Canada have been prioritizing immigration as a factor of their national development. Although public culture in these immigration states has been developing on some specific cultural patterns, American and Canadian societies have not generated the concepts and perceptions of an "ethno-cultural" core of the nation as such. One of the reasons for current integration issues in the West is the struggle of immigrants for their collective cultural rights in host societies. Differences in political culture between Western European states and immigration states (the USA and Canada in this case) determine the gap in the institutionalization of collective rights for immigrants and, correspondingly, specific character of integration issues. Transition to the pluralistic model of national integration in the USA and Canada is determined by the following factors. First, due to mass immigration, there emerged liberalization of immigration policies. Secondly, in the post-war period, political cultures in liberal democracies witnessed a pronounced republican tendency, due to the ideological influence generated in times of The African-American Civil Rights Movement.

Keywords: national integration, immigration regime, cultural pluralism, "classic nationalism", multiculturalism.

About author:

ZAICA Kseniya Valer'evna, Cand. Sci. (Political Sciences), Research Associate; Lecturer.